

НОВЫЕ ЗАПИСИ ЗАГАДОК И ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТОВСКОЙ ССР

Н. К. МИТРОПОЛЬСКАЯ

Современные записи традиционных загадок сравнительно с другими жанрами немногочисленны. Видимо, в полевой работе экспедиций последних лет наблюдениям над бытованием загадок уделяется мало внимания. Во всяком случае в опубликованных отчетах многих экспедиций, которые проводились в 60-е годы, о загадках даже не упоминается. Так, в статье «Опыт изучения современного состояния народного творчества»¹ и в сообщении «Состояние народного творчества в Островском районе Костромской области»² подводятся итоги экспедиционной работы сектора народного творчества Института русской литературы АН СССР за 1959—1960 гг. в 11 районах Костромской области (обследовано 90 населенных пунктов), — сведений о загадках нет. Из статьи Л. А. Астафьевой-Скальберг «Некоторые наблюдения над современным состоянием народно-поэтического творчества в Калужской области»³ видно, что во время экспедиционной работы в двух районах Калужской области (июнь 1968) записано 180 песен, 417 частушек, 3 сказки, одна пословица, записей же загадок нет⁴. Трудно не согласиться с выводами автора статьи о современном состоянии русских народных загадок В. В. Митрофановой о невозможности изучения движения репертуара при настоящем состоянии собирания загадок⁵. Это заставляет незамедлительно включать в научный обиход новые

¹ В. Е. Гусев. Опыт изучения современного состояния народного творчества. — «Советская этнография», 1960, № 2, стр. 167—170.

² В. Е. Гусев. Состояние народного творчества в Островском районе Костромской области. — «Русская народная поэзия». Фольклористические записки Горьковского университета, 1961, № 1, стр. 116—124. Об этом же полнее и подробнее см. «Экспедиция в Костромскую область». — Русский фольклор. Материалы и исследования, т. VI, М.—Л., 1961, стр. 125—134.

³ Вестник Московского университета, 1969, № 4, стр. 76.

⁴ Нет сведений о собирании и бытовании загадок в отчетах об экспедициях в XII томе «Русского фольклора» (раздел экспедиционная работа), изд. «Наука», Л., 1971, стр. 266. В сводном сборнике загадок (Загадки. Изд. подготовила В. В. Митрофанова, изд. «Наука», Л., 1968. В дальнейшем сокращенно: сводный сб.) использованы архивные материалы, собранные экспедициями 60-ых годов в шести географических районах: Архангельской, Вологодской, Новгородской, Тамбовской областях, в Карелии и на Урале.

⁵ В. В. Митрофанова. Современное состояние русских народных загадок. — В кн. «Современный русский фольклор», изд. «Наука», М., 1966, стр. 199.

записи, тем более, что в данном случае речь пойдет о своеобразном географическом районе распространения русских загадок в условиях островного бытования национальной устной поэзии среди коренного иноязычного населения.

300-летнюю историю насчитывает старожильческое русское население, появившееся в различных районах Литовской ССР в силу целого ряда социально-исторических причин: здесь и древние гонения на приверженцев старой веры, и заселение царским правительством земель, с которых были изгнаны в Сибирь участники и сочувствующие восстанию 1863 года, и выселение русских крестьян в здешние места из центральных областей России за «смутьянство» и неповиновение властям. Старожильческое русское крестьянское население сохранило свой родной язык и его диалектные особенности, знание национального фольклора, а в отдельных районах, среди пожилой части населения, и приверженность к старообрядчеству. Советские условия жизни обеспечили крестьянам равноправный труд в колхозах и совхозах республики; общественно-производственные контакты и укрепившиеся в нескольких поколениях литовско-польско-русские семейно-родственные союзы привели к межнациональным влияниям и частичной ассимиляции.

Сложные и интересные по своей необычности условия бытования русского фольклора, его разнообразие и богатство, никем ранее не обследованные⁶, привлекли внимание ежегодных экспедиций фольклористов-филологов Отделения русского языка и литературы Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса. В 1960 году кафедра русской литературы организовала первую экспедицию с целью записать произведения устного русского народного творчества на территории Литвы, а в 1961 году при кафедре был основан фольклорный архив. Благодаря летним двухнедельным групповым экспедициям (обычно в два различных района республики), в которых принимают участие студенты-практиканты, архив ежегодно пополняется примерно двумя с половиной тысячами фольклорных единиц: песен, частушек, сказок, пословиц, загадок, причитаний, преданий, а также произведений советского фольклора. Обследование носит локально-выборочный характер: экспедиционные маршруты охватывают те апилинки, где имеется русское население. Старые русские поселения не всегда составляют отдельные деревни или хутора. Иногда это — несколько усадеб среди коренного национального населения: например, в дер. Зуйкишки Игналинского района шесть дворов (усадеб) принадлежат русским крестьянским семьям. В таких случаях особенно ярко вы-

⁶ Единичные фонетические записи сказок и загадок производились местными диалектологами-русистами. — Образцы текстов русского говора центральной части Литовской ССР. Записал и обработал В. Н. Немченко. — Научные труды высш. учебн. заведений Литовской ССР, 1963, Языкознание, т. 8, стр. 97—110.

ступают межнациональные взаимные влияния в устном народном творчестве. Наиболее интересные районы, в которых много песнохорок, певцов и сказочников, обследовались повторно. К ним прежде всего относятся Зарасайский, Аникщяйский, Игналинский и Ионавский районы. Результативно велись полевые записи в Рокишкском, Молетском, Купишкском, Швенченском, Биржайском и Вильнюсском районах.

Во всех местах, где побывали собиратели, их прежде всего поражали необыкновенно звучные, «величальные» имена знатоков сказок, преданий, песен, частушек. Собиратели познакомились с песнохорками — Февроньей Пименовной Горшановой, Ульяной Спиридоновной Долговой, Агафьей Артамоновной Афанасьевой, с певцами и сказочниками — Миной Трофимовичем Семеновым, Онуфрием Фомичем Соколовым, Спиридоном Лукьяновичем Парфеновым, Аввакумом Степановичем Соколовым... Что ни встреча, то новый голос в хоре старинных имен. Ощущение яркой выразительности имен, художественной образности живой разговорной речи местных крестьян усиливалось по мере дальнейшего знакомства: обыденный разговор они часто пересыпали пословицами, присказками, прибаутками, фольклорными реминисценциями. Так, например, Афанасья Михайловна Горшечникова из д. Улителей Зарасайского района говорила о соседке, которую трудно застать дома: *«Ее мало дома найдешь, она идет, как Марко по пеплу»*, а о муже во время обеда: *«Все хватаешься, все глотком, все некогда»*; Феоктист Лукич Михайлов из д. Медный Аникщяйского района, обращаясь к плачущему ребенку, сказал: *«Что грибишься? Во сне грибы собирал?»*, а далее в разговор о совхозных делах вставил: *«Овес говорит: «Сей меня в грязь, я буду князь», а рожь говорит: «Сей меня в золу, но в пору»*. Мария Афанасьевна Гаврилова из д. Паэжеряй Аникщяйского района (в народном обиходе у местного русского населения деревню называют Поозерцы), ссылаясь на занятость, решила отшутиться от собирателей и с назиданием тут же рассказала им сказку о старике, любителе сказок, и о бездомном нищем⁷. И таких примеров можно привести очень много.

Изучение собранного материала — текстов устно-поэтических произведений, биографий сказителей, экспедиционных дневников — приводит к выводу, что в русских поселениях на территории Литовской ССР сохранилась живая фольклорная традиция. Сделаны многовариантные записи богатого песенного фольклора, различных сюжетов волшебных, бытовых, сатирических сказок, пословиц, загадок, частушек и других видов народного творчества. Сами исполнители источником знаний традиционного фольклора называют большей частью своих

1967

⁷ Фольклорный архив кафедры русской литературы ВГУ. Аникщяй. — 49; по Указателю сюжетов: 1920×Д, ×1887, ×1912, ×1885, 1900×В. — В. кн. А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» в 3-х томах, т. 3, М., 1957, стр. 454.

родителей. Эта эстафета наблюдается и в наши дни. Семейная живая фольклорная традиция зафиксирована многократно. Например, в г. Дукштасе Игналинского района от Ф. Я. Самохваловой записаны песни «Как летела пава», «Соловей-соловушка», «Я не знала и не ведала», «Ай да стой березушка», «Сяду, сяду под оконце», «Куда, куда я не шануся» (шануться — кинуться, броситься), «Ох, летел голубь», «Шли два солдата», «Там в саду, при долине» и многие другие. Сын Феодосии Яковлевны тракторист Самохвалов пел уже другие песни из репертуара матери. Некоторые из них и она спела, но дуэтом с соседкой А. Назаровой: «Расколосся сырой дуб», «Посеяли руту», шуточную «Комарик»⁸, «Ой, да падала роса», «Занька», походную «Совьюном», рыбачью, «Ямшк», «Последний нынешний денечек», «По Дону гуляет казак молодой», «Гулял за Уралом» и другие. Среди сказочников, от которых записано по 15—25 сказок, также наблюдается стремление передать свои сказки родным: в д. Ведеринай Игналинского района от Богомольниковой Ксении Григорьевны переняла сказки ее одиннадцатилетняя внучка Оля Богомольникова. Она рассказала сказки, которые не удалось записать от матери. Подобное явление типично и для других жанров фольклора. Помимо семейной линии, имеет место и нечто вроде профессионального исполнительства. Так, Агриппину Григорьевну Дорондову из д. Вешинтос Анкшяйского района часто приглашают петь песни на свадьбах. Собираатели знакомы с ее репертуаром во время экспедиций 1967 г. и 1971 г. и записали 68 песен, 104 частушки, 12 сказок, 10 колыбельных песен, 8 крутелек, 6 присказок, 12 загадок, 6 пословиц, 5 анекдотов, но перенимают от нее чаще всего песни и частушки. В качестве второго примера можно привести сказочника Макара Тихоновича Абрамова из д. Мединяй Анкшяйского района, которого и сейчас приглашают в разные места рассказывать сказки детям. Из сказок он предпочитает авантурные, любит давать пояснения по ходу рассказа. Его репертуар записывался в 1964, 1967 и 1971 гг. Некоторые из его сказок уже вошли в репертуар других исполнителей, в особенности детей: от шестилетней Марины Березневой записана сказка о волке, которую она слышала от М. Т. Абрамова. (Указатель сюжетов. *122).

Живая местная фольклорная традиция выражается и в массовом распространении небольших женских и смешанных хоров, естественно сложившихся (соседи, родня); частушечных дуэтов. Произведены записи архаических жанров причитаний, заговоров. Распространено также знание русских пословиц. Встретились большие знатоки этого

⁸ «Посеяли руту», «Комарик» и другие песни указывают на тесную связь местной традиции с белорусским и литовским фольклором.

жанра: от Самсона Александровича Яшкина из д. Дексний Молетского района записано 97 пословиц.

Удивительно разнообразная, богатая устно-поэтическая отдача местных русских крестьян распространяется и на особо интересующий нас жанр загадок.

Во всех обследованных районах во время каждой экспедиционной поездки записывались и загадки. В нашем фольклорном архиве их насчитывается до 820. Значительность этой цифры отчетливо выступает при сопоставлении с числом опубликованных в сводном сборнике текстов и учтенных вариантов по записям 60-х годов в Архангельской области (7 экспедиций) — 263 текста и в Новгородской области (4 экспедиции) — 71 текст⁹.

Соотношение новых записей загадок с другими жанрами традиционного фольклора по различным районам полевых записей распределяется следующим образом:

Район	Время записи	Населен. пунктов	Исполнителей	Сказок	Песен	Пословиц	Загадок	Час-тушек	Других жанров
Швенченский	1964	12	33	19	199	9	41	232	18
Молетский	1965	16	30	16	222	113	34	125	13
Зарасайский	1968	11	41	95	517	15	64	695	98
Ионовский	1970	14	39	15	401	225	75	574	95
Аникщяйский	1971	10	29	81	159	36	51	149	63
Зарасайский	1971	16	70	48	400	114	83	510	93

Приведенные в таблице типичные данные по итогам шести разновременных экспедиций позволяют сделать вывод о том, что запись загадок стабильна и в процентном отношении к записи других видов народного творчества постоянна. Здесь не выделяются отдельные исполнители с особенно богатым репертуаром, как например, в жанре сказок или пословиц: более 24—25 загадок не зафиксировано в репертуаре отдельных исполнителей, чаще всего их число равняется 10—12.

Вопрос об исполнителях загадок обычно не ставится в научной литературе. В сборниках загадки расположены по тематическому принципу, часто без указания, от кого и где они записаны. Новые экспедиционные материалы позволяют сделать интересные наблюдения о среде, в которой сохранилось знание загадок.

⁹ Выборка данных произведена по применениям к Сводному сб., стр. 165—234.

Подавляющее большинство текстов записано участниками наших экспедиций от женщин и мужчин 45—50 лет и старше. Производились записи и от молодежи и детей, но они составляют незначительный процент. Цифровыми данными по нескольким экспедициям можно наглядно проиллюстрировать типичную картину:

Район	Время записи	Возраст	Число исполнителей	Общее число загадок
Зарасайский	1971	М. старше 55	4	25
		Ж. старше 45	9	44
		Д. 9—12 лет	2	7
		Ж. 20—40 лет	2	7
Молетский	1965	М. старше 55	1	23
		Ж. старше 45	4	11
		Д.	нет	нет
Швенченский	1964	М. старше 55	2	16
		Ж. старше 45	4	21
		Д. 9 лет	1	4

Среди школьников (9—16 лет) и молодежи (18—20 лет) больше всего распространены игровые загадки-головоломки, загадки-задачи, загадки-вопросы, часто книжного происхождения. Во всяком случае они сами считают подобного рода загадки самыми ценными и именно их предлагают для записи, резко отграничивая их от традиционных местных загадок. Так, одиннадцатилетний школьник из д. Гарбуноулишкяй Зарасайского района Вася Богданов любит переписывать загадки-головоломки в тетрадь, но отличает от местных загадок, которые слышал в своей деревне от старших. Их он называет речениями, то есть употребляемыми в разговорном языке, и не записывает. В беседе же с собирателями он задал им отгадать несколько устных загадок, напр., *пять братцев колодец копают — прутки чулки вязать. — Спицы* (записана в разных местах в 8 вариантах) и др. Характерно, что школьный и молодежный репертуар, который исполняется на вечерах смеха, викторинах и пр., вбирает в себя из устной традиции преимущественно загадки-вопросы. Так, от Вали Ломтевой из д. Каушыдола Вильнюсского района записано 26 загадок подобного типа: *Какой песок в Волге? — Мокрый. Когда черной кошке легче всего в дом пробраться?*

— Когда дверь открыта. Шли муж с женой, брат с сестрой. Нашли три яблока и разделили поровну. Как это получилось? — Это были муж с женой да брат жены. Шла бабка в Москву, а навстречу ей три старика шли. У стариков по мешку, в каждом мешке по коту. Сколько всего шло в Москву? — Одна бабка.

Показательны для характеристики репертуара школьников записи от двух любителей загадок Тоси Юркевич (16 лет) и Пети Иванова (12 лет) — оба из Зарасайского района. Любимыми их загадками являются стихотворные рифмованные загадки литературного происхождения или головоломки типа: *Назовите город, в котором одно мужское имя и сто — женских.* — *Севастополь.* Распространенные в репертуаре школьников задачи-загадки, головоломки и загадки-стихи не являются в художественном отношении яркими и самобытными и не определяют своеобразия и ценности новых местных записей, сделанных от взрослых и пожилых людей.

В здешних краях знание загадок является частью общей устно-поэтической традиции и поддерживается всеобщей любовью к русскому народному творчеству. Большинство знатоков загадок исполняли и песни, и сказки, и пословицы. Сказочная устная традиция и знание загадок взаимно поддерживают друг друга. Сказочники с особым удовольствием любят рассказывать сказки, включающие в свое содержание загадки или использующие зашифрованную тайную речь. Так, упомянутый уже сказочник М. Т. Абрамов, от которого в 1964, 1967 гг. было записано четырнадцать сказок, а в 1971 г., помимо повторных вариантов, еще пять¹⁰, с выразительной дикцией, артистично исполнил сказки «О хитром солдате» и «Два солдата». Первая представляет собой популярную сказку о проделках хитроумного солдата и строится, как обычно, на загадывании загадки о петухе; вторая сказка, тоже сатирическая — о проделках двух солдат, включает зашифрованное указание одного солдата другому в виде загадки, которую он сразу же отгадывает и исполняет. Солдат говорит зазевавшемуся хозяину: *«А у нас не так петухи поют, а вот как: «Тяни-потягивай смелей. Да бери сивых, белогривых, да и тое не забудь, что и в кашницу кладуть»*¹¹. Отгадка: *хлеб и сало.*

Знатоком русских загадок является и Соколов Иван Иванович (г. Зарасай). Известен он как сказочник. Среди записанных от него сказок и анекдотов есть такие, в которых используются загадки. Так сказка про Навума имеет нехитрый сюжет (денщик ищет «потерянное» им (забы-

¹⁰ Архив кафедры русск. лит. ВГУ, 1964, 1967 и 1971
Аникшяй — 29—39 и Аникшяй — 5, 6, 10—13.

¹¹ По указателю сюжетов: *1545—Солдатская загадка и *1525—Кража под песню.— В кн. А. Н. Афанасьева. «Народные русские сказки» в трех томах, т. 3, М., 1957. стр. 454.

тое) имя барского ребенка) и заканчивается характерным диалогом, напоминающим отгадывание загадки: *«Здравствуй, служивый! Почему копаешься? — Уронил в грязинку имя. — Ты хоть и служивый, а глупый. Подумай лучше, не придет тебе имя на вум.— А-а! А вот Навум, Навум и есть!»*¹² На подобном же принципе созвучия-подсказки строятся местные загадки: *«Кто не съест огурец соленый? — С Аленой. Летела совсем небольшая стая птиц, какая? — Семь сов»*¹³.

Обычно загадки исполнялись по просьбе собирателей, однако можно было наблюдать непосредственное, естественное бытование: загадывающие диктовались желанием проверить сообразительность, находчивость, а также эстетической потребностью вызвать удивление и восхищение художественной яркостью, меткостью загадки, неожиданным эффектным воображением: *«Семь семериков сели на конь и поехали в огонь. — Скворода оладей. Четыре братца под одной крышей, ноги каменные, а глаза стеклянные. — Дом. Белый вилок на столе не ляжливый, а весь мир кушивал. — Материнская грудь. Сидит живуля на живом стуле и ест живуля живое мясо. — Мать кормит грудью ребенка. Посреди комнаты куст мяты. — Хлеб в деже»*¹⁴. *«Села баба на згибень, взяла меж ноги бубень, обе руки — на поруки и давай в бубень играть. — Доить корову. Праздник годовой, парень молодой. Охает, пихает: ох тошно, да не все вошло. — Тесный хромовый сапог. Скрось стену быка пеку. — Котел с мясом и многие другие»*¹⁵. Кроме того, сами исполнители различают еще одну специфическую функцию бытования загадок. Имеются в виду балагурные, включающие в свое содержание «задирательный» смех и двусмысленные намеки. Они распространены среди мужчин и женщин, причем последние иногда, как бы извиняясь за острословие и грубые выражения, оговариваются, что из загадки, как и из песни, слова не выкинешь.

Живая устно-поэтическая традиция в передаче и усвоении загадок в здешних местах проявляется и в проникновении в репертуар белорусских, польских и литовских загадок, как, впрочем, и других жанров фольклора. Подобные случаи не столь распространены и касаются

1960

¹² Архив кафедры русской литературы ВГУ, Зарас. — 105. Ср. по Указателю* 1350 I.

¹³ Данный тип загадок имеется и в сборнике «Загадки русского народа. Составил Д. Н. Садовников. Изд. Московского университета, 1960». 1-ое изд. 1876 г. В дальнейшем — Садовников. №№ 2442, 466.

¹⁴ В деревянной посудине поднялось тесто для выпечки ржаного хлеба. Своим пышным видом и ароматом вызвало трогательную параллель с кустом мяты.

¹⁵ Все перечисленные загадки не имеют параллельных примеров у Садовникова.

Архив каф.	1969	1964	1971	1970	1971
	Вильн. 1—113, Швенч. 968	и 1000	Зарас. — 51, Ион. 3—14,	Аникш. 78—79.	

В сводном сб. имеются относительно близкие варианты лишь к трем из вышеназванных загадок: 1317, 1320, 1105.

только деревень со смешанным в национальном отношении населением, — большей частью среди породнившихся людей разных национальностей. При этом наблюдается тенденция к ассимиляции с основным населением республики и одновременно языковой и фольклорный билингвизм и даже полилингвизм. По наблюдениям собирателей языковой переход происходит совершенно незаметно: для исполнителей в данном случае естественно и органично знание русских, польских и литовских загадок. Следует оговориться, что исполнителей с полифольклорным репертуаром зафиксировано немного. Ева Зданаускене, 1893 года рождения из д. Сувекас Зарасайского района исполнила русские и литовские песни, частушки, загадки; Мария Антоновна Карповичене 1900 года рождения из д. Миканцы Ионавского района — русские и литовские загадки¹⁶ и песни; Апестина Ивановна Медведева из д. Новотребы Ионавского района и Настасья Николаевна Ромашка из д. Слонянай Ионавского района исполнили русские песни и польские загадки. Характерна последовательность записи загадок на русском и польском языках от Я. И. Гурского, 1896 года рождения.

1. Щетовила по-немецки говорила,
Спереду шильце, сзади вильце,
Наверху черно сукно,
Снизу — бело сукно.
— Ласточка.
2. Черная курица, да на красном
Яйце сидит.
— Горшок на огне.
3. Sieńka rapienka,
Główka maleńka.
— Иголка.
4. Двое бегут и их двое догоняют,
Двое смотрят, двое слушают,
Шестьсот свистят.
— Кони.
5. Кошкин хвост да через
озеро перекинут.
— Ручка ведра.
6. Na jednej palce stoi gałka...
u jej jest t...
— Мак.
7. Злая собачка в красной шубе.
— Лук.
8. Идет в баню — черный, с бани —
красный.
— Рак.
9. Он не ест, он не пьет и все живет.
— Часы.
10. Двенадцать куют, один переворачивает.
— Язык, зубы.
11. Дедушка, а на нем сто рубашек.
— Капуста.

¹⁶ На литовском языке записаны загадки на следующие отгадки: небо, звезды и месяц; топор за спиной; роса; дверь; пчела.

Переход с одного языка на другой для исполнителя был совершенно незаметным.

А. И. Медведева, 1913 года рождения, среди русских загадок о моркови, подсолнухе, ягоде, арбузе, книге загадала польские загадки о луке, пчеле, яблоках и свинье. На польском языке от других исполнителей были записаны загадки о плуге, петухе, меховой муфте¹⁷ и другие. Некоторые из них прочно вошли в русский репертуар и записаны нами в различных районах от разных исполнителей. Переход польских загадок в одних случаях сопровождался более или менее точным калькированием; в этом убеждает сопоставление загадок, записанных от разных лиц.

Przywiezli Niemca w czerwonej sukience,
gdy go rozbierali, to wszyscy plakali.

— Лук. Ионавский район.

Привезли немца в красном платье,

Его разбирали — все плакали.

— Лук. Вильнюсский район.

Chodzi general na ogrodzie,

Dwa bliny na brodzie

Pud miesa na glowie.

— Петух. Ионавский район.

Ходит цыган на огороде

Носит два блина на броне.

— Петух. Игналинский район.

Cienka rapienka, glowka malienka.

— Иголка. Зарасайский район.

Тенька паненька, дырочка маленька.

— Иголка. Аникщяйский район.

Lezy ranna kolo drogi

Wystawwszy w gore nogi.

— Плуг. Игналинский район.

Лежит, лежит возле дороги,

Раскинуты руки-ноги.

— Соха. Вильнюсский район.

Художественный смысл польской загадки в русском репертуаре получал своеобразное выражение, в котором соседствуют полонизмы и русские диалектизмы, а иногда и просто польские слова остаются без перевода: *Стоит на плоте в красном колпаке. Кричит: «Гей, гей.»* — *Петух*. На плоте — на заборе. В приведенной далее загадке рядом с «куточком» упоминаются «брелочки» и т. п. Полонизмы распространены и в устной речи, и в языке загадок. Изучение новых записей обнаруживает две, на первый взгляд, противоположные, но в конечном итоге тесно связанные друг с другом тенденции: с одной стороны, вовлечение в свой репертуар иноязычных загадок, калькирование их на родной язык, с другой стороны, — сохранение старинных русских загадок с полным соблюдением лексико-морфологических и синтаксических диалектных черт. Обе особенности естественно вытекают из островного

¹⁷ Nie wowiedka, Nie przepiurka, Po srodku diurka. — Муфта. Эта загадка в русский репертуар не вошла.

положения русского фольклора в данной местности. Диалектизмы в загадках часто выполняют стилевую функцию, несут в себе известный заряд поэтичности, определяют саму структуру загадки: **Родится — котится, другой раз родится — бежит.** — *Куриное яйцо и цыпленок. Ногам прёт, брюхом трёт, где раззевится — там пнёт.* — *Кросны. Маленький, купратенький все поле облетел.* — *Серп. Что на свете мягкой? — Рука своя. От куточка до куточка носит себе барелочки.* — *Курица.* Для приведенных примеров, а их количество можно было бы легко увеличить, характерны, помимо фонетических и морфологических, также и лексические диалектизмы со следующим значением: **котится** — катится; **прёт** — двигает, упираясь всей силой; **раззевится** — откроется; **купратенький** — горбатенький; **куточек** — придверный угол, где зимой помещались куры; **барелочек** — побрякушка.

Прочная языковая диалектная среда, в которой живут здесь загадки, поддерживает их устойчивое бытование. Что же касается содержания и жанровой специфики, то новые записи представляют большую ценность как историко-фольклористическую (продуктивность жанра, движение репертуара и др.), так и художественно-эстетическую: многие из них по яркости и самобытности поэтического выражения могут быть отнесены к лучшим образцам загадок.

Классификация собранного материала обнаруживает сохранность и верность постоянным темам: загадки о труде и орудиях труда, о природе (явления вселенной, растительный и животный мир), о самом человеке, окружающем его быте, о его семейных и общественных отношениях.

Составленный с учетом всех записанных нами вариантов перечень отгадок¹⁸, то есть объектов загадок, не столь уж многочислен:

1. Загадки о труде и орудиях труда

Деревянная борона, железная борона, соха, плуг, коса, серп, цепи, молотилка, трактор, топор, пила, жернова, жерновой камень, ручная мельница, ветряная мельница, старый ткацкий станок — кросны, тканье, прутки-спицы, иголка с ниткой, наперсток, ножницы, мотовило для ниток, крючок, ружье с пулей, пуля, сверло, буровец, рубанок, лопата — выбирать хлеб из печи.

2. Человек

Человек, ребенок в люльке, материнская грудь, ребенок у материнской груди, рука, кулак, язык, зубы, язык и зубы, глаза, соринка

¹⁸ Названия отгадок приводятся со слов самих исполнителей.

в глазу, мысль, ум, человек в детстве, в юности и в старости, человек ест — язык, зубы и деревянная ложка, яблоко и человек, тень, сон, смерть, покойник, поп.

3. Природа

Солнце, месяц, луна, солнце и месяц, небо, луна и звезды, звезды, радуга, роса, снег, мороз, лед, вода подо льдом, дождь, молния, гром, гром и молния, воздух, день и ночь, ночь, день, огонь, небо, туча, песок, вода и тростник, тростник, река, камень и трава, море и дождь, северное сияние, луч, эхо, ручей, сосульки, медведь, заяц, еж, лягушка, муравьи и муравейник, жук, паук, паутина, муха, блоха, блоха и человек, комар, сорока, ласточка, перо птицы, гнездо, лист, ягода, орех, белый гриб, подосиновик, черника, рыба, рак.

4. Поле, огород, сад

Озимые, ржанице, межи, сноп, трава, луга скошенные, но не перевернутые, огурец, подсолнух, морковь, бурак, тыква, лук, луковница, капуста, кочан капусты, репа, мак, мак в коробочке (семена), арбуз, вишня, яблоня, яблоко, пчела, пчелы в улье.

5. Домашние животные

Лошадь, корова, коровье вымя, доить корову, лошадь, корова и собака, овца, козел, свинья, свиная щетина, петух, курица; коршун, курица и цыплята; коршун, петух и куры; куриное яйцо и цыпленок, гусь, кошка, собака.

6. Дом и средства транспорта

Дом, дом строят, матица-слега, балка, шпунт, дверь, дверная ручка, печь, труба, труба и трубочист, загниётка, печь в бане — каменка, заклонка в печи, огонь и дым, дым, угли в печи, забор, два кола в заборе, колодец, колодец с ведром, колодезный журавль, изгородь, мостик, сани, полозья саней, колеса и лошадь, телега; сани, телега и лошадь; лошадь с возом, дорога, верстовой столб, колеса, лодка, челнок.

7. Домашняя утварь, пища, одежда

Стол, стул, кровать, скамья, ящик в столе, крючок, замок, ключ и замок, полка в бане, котел в бане, умывальник, ушат, кадка, ведра, коромысло и два ведра, дужка у ведра, помело, метла, веник, веник

для парки в бане, кочерга, клюка, мочалка, ковш, половник, ложка, сковорода, сковорода с салом, сковорода с оладьями, сковорода с блинами, сковорода с помазком, сковорода и сковородник, сковорода и ячница, котел с мясом, чугунок на ухвате, горшок на огне, самовар, чайник, жареная рыба, хлеб в деже, молоко, яйцо, сахар в обертке, вино бродит, выгребать жар и выпаживать печь, выметать мусор, подушка, полотенце, женская рубаха, рукавицы, перчатка, ремень, русский сапог, тесный сапог, гвоздь в подошве сапога, пуговица, кольцо, крестик, часы, очки, лампа, электрическая лампа, скрипка, мяч, безмен, свечка.

8. Грамота и другие

Гусиное перо, перо и чернила, почтовый ящик, дни недели, год, месяцы, недели, дни и год, 12 месяцев, четыре времени года, недели, семь дней, день и ночь, календарь, буква «о», гудок, колокол.

Перечень отгадок наглядно демонстрирует удивительную тематическую сохранность старинных народных загадок о человеке, о природе, о сельскохозяйственных работах, о предметах, связанных с устройством и убранством дома, с приготовлением пищи, одеждой. Если сравнить составленный предметник — перечень отгадок с классическим общерусским сборником Садовникова, то несмотря на то, что многие темы отсутствуют, поражает сохранность в репертуаре поэтизации каждодневной жизни крестьянина. Можно было бы вписать в сводный сборник русских загадок не только новые варианты и их разновидности, но дополнить новыми темами. В сводном сборнике по сравнению с местными записями отсутствуют старинные загадки о следующих предметах: спицы вязальные, лампа подвесная, колодец с ведром, полка в бане, котел в бане, котел с мясом, мочалка, дом строится, лошадь с возом, море и дождь, ручная мельница, выбирать лопатой хлеб из печи, выметать мусор, боровик, тесный сапог, свиная щетина, луга покосенные, но не перевернутые, куриное яйцо и цыпленок, яблоко и человек, садовая яблоня. Предметник, хотя и схематично, но строго объективно обнаруживает продуктивность жанра загадок и богатое разнообразие местного репертуара в этом виде народного творчества.

Сопоставление предметника новых записей загадок с их словарем, который дает возможность суммарно представить себе, из каких сфер человеческой жизни берется материал для будущей загадки, обнаруживает, что словарь шире, разнообразнее и богаче, чем предметник. Если в новых записях из сферы общественных отношений человека имеется только одна загадка о попе, то в словаре эта группа довольно многочисленна: бог, царь, царица, князь, посол, гость, пан-панович, паненка, барыня, хозяин, пастырь, поп, монах, немец, цыган,

казак, солдат, кузнец, пастух, баба, работница, цыганка, сиротка, старерин. Еще обширнее словарь вводит обозначения домашней утвари, одежды, сельскохозяйственных орудий и т. п. Богато представлена в словаре природа, ее животный и растительный мир: земля, вода, небо, небеса, солнце, месяц, заря, зарница, звездочки, ночь, утро, день, вечер, весна, лето, зима, погода, ветер, снег, снежок, лед, ледок, море, река, берег, озеро, пруд, болото, болотинка, проталинка, кочка, дно, гора, горы, камень, яр, лес, доли, бор, дерево, березы, березняк, березнячок, дуб, куст, кусточек, корни, ветки, цвет, цветочек, трава, мята, птица, птушка, птушечка, стая птиц, орел, орлица, сова, сорока, ворона, скворец, галки, пава, утка, гуськи, мушки, крыло, когти, перо, хвостик, гнездо, нора, норка, берлога, зверь, зверок, волк, медведь, заяц, лисятки, тур, турица, змея, змейка, мышка, хвост, лапы, рога, рожки, копыта, шерстка, шкура, кости, жук, рыба, рыбина, рыбешка, щука, рак, уж, пчела.

О человеке и его строении в предметнике по нашим записям была перечислена 21 тема, в словаре же к этой группе относится 36 слов: человек, голова, сердце, ум, кровь, волос, ноги, ножка, усы, рука, руки, ладонь, спина, шея, зубы, язык, зрык, речь, уста, ухо, нос, кудри, лысина, коса, борода, локоть, ноготь, пальчик, пятки, пуп, брюхо, середка, кишки, сиськи, пот, силка. Загадка включает в свой словарь и отвлеченные понятия: нужда, беда, свет, мир, век.

Приведенное выше предметное и словарное перечисление дает лишь представление о строительных элементах, из которых художественная фантазия, выдумка и поэтическое чутье народа творит законченное здание — чудо-загадку, демонстрирует постоянство в отборе предметов для загадывания и отгадывания. Художественное впечатление, образ рождается при одновременном соотнесении отгадки и загадки, тогда-то и создается эффект неожиданности. В содержании загадки, в открытых ею сопоставлениях, изобретенных народной фантазией образах-заменах, не сразу удастся отыскать логику бытовых связей. Яркое, необыкновенное сопоставление подсказано ощущением, непосредственным восприятием окружающей действительности, жизненной практикой, в которой произойти выделение самой броской, самой примечательной черты или признака предмета, реже — процесса.

В новых записях мы находим много интересных загадок; в них проявляется поражающая изобретательность загадывания, способность к выражению скрытой, сжатой фабулы, развертывание которой представлено воображению слушателя: *Движу-подвижу по белому Трофиму, стоит не пробудится. — Ящик в столе. Вышел пан с Галилен, с белого камня. На нем платье разноцветное, не ткано, не шито. — Петух. Два орла орлуются, одним яйцом даруются. — Поп. Мышка из норки выглядывает. — Застегнутая пуговица. Четыре братца, а пято-*

му деться некуда. — Прутки вязальные (спицы). Черный, бешенный, за руки повешенный. — Котел в бане¹⁹. Послала гостя за гостем. Будет гость или не будет, а посла век не видать. — Пуля²⁰. Пан панович упал в колодец, не утонул, и воды не смутил. — Лист²¹. Черная цыганочка по золоте скачет. — Кочерга²². На бабушку — «И-га-га!», с бабушки — «Ох-тех». — Полка в бане²³. Черный кот Мавру трет, хохочет и еще хочет. — Печь блины²⁴. Пришла Таня в красном сарафане, ее стали раздевать, стали плакать и рыдать. — Луковица²⁵.

Объем и сохранность устно-поэтической традиции в здешних местах позволяет не только привести записи интересных, оригинальных по художественному решению темы загадок в их слитном единстве с отгадками, но и проследить разнообразные пути их создания, ощутить удивительный ракурс сближения совершенно различных предметов, понять выделительную направленность мысли и чувства, жизненных наблюдений и эмоциональной настроенности. Они-то и определили творческий момент рождения загадки, в которой представление о предмете (реже — процессе) раскрывается через конкретность, взятую из другой сферы жизни человека и природы.

Записанные в русских поселениях на территории Литовской ССР загадки имеют черты, типичные для данного жанра. В этих загадках верх берет устойчивость фольклорных критериев, порождающая множество вариантов одних и тех же загадок. Многовариантность загадок характерна для наших записей. Если припомнить, что нашими экспедициями записано 820 загадок, а предметник (перечисление отгадок) включает в себя 270 наименований отдельных тем, то наглядно видно, что одни и те же загадки записаны в большом количестве вариантов. В количественном отношении варианты, то есть близкие по одному и тому же типу загадки на данную тему, составляют две трети всех записей. Особенно многовариантны однотипные загадки. Загадка о серпе записана нами в 50 вариантах. Все они имеют общую структуру, а в основе — один выделенный признак (форма серпа и быстрота при работе им). Как постоянный признак устное творчество сохраняет не-

¹⁹ Все перечисленные выше загадки в сборнике Садовникова не зафиксированы. В сводном сб. для первой загадки есть соответствие 3161 (задвигка).

²⁰ К нашему варианту близка у Садовникова 1481. В сводном сб. 4777.

²¹ К нашему варианту близка у Садовникова 1456. Тот же вариант в сводном сб.

²² У Садовникова 329: *Черный конь прыгает в огонь*. Совпадает со второй нашей записью: *Черный конь скачет в огонь*. Тот же вариант в сводном сб.

²³ У Садовникова: 1096 — *Игононица поспела, Ерохвостица пора*, стр. 296.

²⁴ Эта загадка записана в большом количестве вариантов. — *Белый кот Матрену трет, Матрена хохочет, еще хочет*. — Сковорода и сало. У Садовникова сокращенный вариант — 385. В сводном сб. 4662.

²⁵ В сборнике Садовникова — *Панья 777-з*, в сводном сб. 2520.

изменной художественную образность этой загадки и вносит лишь морфологические и лексические подмены. Синонимическое многообразие народного языка предоставляет возможность выбирать самые характерные определения: *Маленький горбатенький* (купратенький — I вариант) *все поле обежал* (обежит, выбегал, выбежал, обегал, обегаёт, обошел, обскакал, перескакал, вы́ходил, вы́ходит, облетал, облетел). Записаны варианты этой загадки и с дополняющими ее смысл уточнениями, бытовыми деталями: *Маленький, горбатенький, все поле обскакал, домой прибежал, целый год пролежал*²⁶ (всю зиму, под межой, на чердаке). Иногда детализируются результаты труда как возможность дополнительной поэтизации и эстетизации загадываемого предмета. *Маленький, горбатенький, все поле обежал и в поле ничего не оставил* (все поле обежал и траву всю сжал). Та же основная мысль загадки, выраженная основным постоянным художественным образом, повторяющимся во всех вариантах, подчеркнута противопоставлением в оригинальной записи: *Бегущая овечка мается, а маленький, горбатенький все поле облетит*.

По существу однотипный характер имеют и загадки о солнце. По количеству вариантов в наших записях эта загадка занимает второе место и насчитывает 52 варианта. В их основе — один постоянный угол зрения на загадываемый предмет: *Катится покатушечка, ни зверь, ни птушечка, ни камень, ни вода, отгадать ану (ее) беда*. Встречаются следующие замены лексического и морфологического характера: катится-катается, катилась, покати́лась, крутится; покатушечка — катушка, катушечка, покатушка; отгадать ее беда — не отгадаешь никогда, не узнаешь никогда, отгадать ее нельзя. *Катится катушка, ни камень, ни птушка, лейся вода, не отгадаешь никогда*. Этот же тип загадки записан в интересном варианте, включающем как уточняющую деталь дополнительный образ: вместо «катушечки» упоминается медная (ассоциация по цвету), огромных размеров монета (круглое солнце — круглая монета) и слова, придуманные для рифмовки: *Катилась кулка, неизмерная пулка*²⁷, *ни огонь, ни вода, не отгадаешь никогда*.

Подобный тип загадки о солнце в сборнике Садовникова отсутствует. Из приведенных там загадок ближе всего № 1891.

Красно яблочко по тарелочке катается, никто не догадается. В сводном сб. более близкий вариант № 141. Две другие разновидности загадок на эту же тему записаны в одном варианте и не отличаются художественной образностью: *Какой огонь горит ярче всего? Без него плачешься, а как появится от него прачешься*.

²⁶ Из сборника Садовникова к нашим записям ближе всего № 1210-а; Сводный сб. 2128.

²⁷ Пулка—пул, пуло—медная мелкая монета. См. В. И. Даль. Толковый словарь. т. 3, стр. 538.

Многие однотипные загадки записаны в 20—25 вариантах. Например, о дороге: *Легла-лежала и все видала. Чтоб были у меня руки — вора связала, чтоб были ноги, — встала бы и небо достала*²⁸. Бытует она и в сокращенной форме: *Кабы я встала, я бы до неба достала*. Лексические изменения касаются только «главного действующего «лица». *Лежит* (едет) *князь-растеньясь, как встанет, небо достанет*. По звучанию происходит упрощение образа и фиксируются варианты: *Стоит растягняга, как встанет, так и небо достанет*. Или: *Лежит Кася-растегася, как встанет, так небо достанет*. Проще, но не менее выразительно звучит вариант: *Долгий лежит, а как встанет, небо достанет*.

Столь же распространена удивительно постоянная по образности однотипная загадка об озимой ржи: *Загадаю загадку, перекину через грядку, на один год пуцу, на другой год сыцу*. По вариантам различается лексико-морфологическое оформление одной и той же мысли: *Загадаю загадку, переброшу через грядку, нонеча пуцу — на лето разыцу* и т. п. Единообразны и однотипны загадки о ржанище, столе, колесах и многие другие. Словесная подвижность таких загадок связана с синонимическим богатством русского языка и со стремлением к детализации, приближению к конкретным бытовым условиям. Проследим это на нескольких загадках, записанных в 20—25 вариантах: *Месяц — Над бабушкиной* (бабиной, маленькой, над дедовой, с уточнением — за пашней, за избушкой) *избушкой висит хлеба горбушка* (кромушка, краюшка, мешок с горбушкой). Третья и четвертая строка всегда без изменения — *собака лает, а достать не может*-, в некоторых записях совсем опущена. *Свеча — Горит дуб, стародуб, — ни жару, ни поту*; чаще — *Горит (стоит) дуб, — ни жару, ни попелу* (нет ни жару, ни пеплу). *Жернова — Брат брата* (по вариантам — два зайца дерутся; две собаки рвутся) *режет, белая кровь течет* (льется). Эта древняя загадка в наших записях весьма близка к загадке в сборнике Садовникова 1136: *брат трет, белая кровь течет*. В сводном сб. — 2903. *Лодка — Еду, еду — следу нету, режу, режу — крови нету*²⁹. *Еду, еду — следу нет, секу, секу — щепок нету* (режу, режу — знака нету). Детализация основного художественного образа приводит в одних вариантах к упрощению (*Рубишь дрова — щепок нету, пилишь дрова — опилок нету*), в других вариантах — к усложнению образа персонафикацией: *Идет лев, несет кровь, отвернется назад — следа нет*; дополнительными ассоциациями: *Едет воз без колес, колеи не оставляет*; неожиданной психологической мотивировкой: *Еду, еду — ни дороги*,

²⁸ У Садовникова один вариант 1379-й близок к нашей записи и включает еще строчку: *Кабы глаза — увидала; кабы язык — рассказала*. В сводном сб. 2724, 2725, 2732.

²⁹ Эти варианты близки к Садовникову № 1577-а, б, в. В сводном сб. 4488—4492. Ср. близкие загадки в «Белорусском сборнике Е.-Р. Романова, вып. III, Витебск, 1887, стр. 317—337.

ни следу, коня бичем подгоняю, на смерть поглядаю. Так же по существу однотипными, но различными по оформлению и детализации являются наши записи загадок о луке: *Висит ожуха в семи кожухах, кто ее тронет — тот сам заплачет. Приехал шушка — семь кожухов. Кто разденет — тот заплачет. Сидит баба в грядке, кто взглянет — каждый заплачет*³⁰; и сокращенные варианты: *Старый старичок в желтой шубке одет.*

В однотипных загадках изменения по вариантам иногда связаны с подменой личных имен, употребление которых вообще характерно для местных записей. В очень популярной загадке (48 записей) про печь, огонь и дым различные имена создают ритмическое разнообразие вариантов, а отказ от употребления собственных имен приводит к более развернутым определениям-характеристикам: *Мать толста, дочь красна, а сын Максим вышел и пошел под небеса. Окончание других вариантов звучит энергичнее и с рифмовкой:.. а сын Филимон, повернулся и вон. И, наконец, имя заменено характеристикой... сын храбрец в поднебесье ушел*³¹. Опущенное имя еще сохраняется в памяти и вызывает близкие по звучанию замены, но связанные не с названием предмета, а с его более детальным описанием:.. *сын-перебор вышел во двор*; такие же изменения в загадке о жерновом камне записаны в 12 вариантах: *Лежит Давид, колом прибит, к нему идут да кланяются*; и более пространная: *Лежит, Давид, его колом жора*³² *пробита, ему кланяются, дают, он жует и вон плюет*. Созвучность и рифмовка вызывают замены в вариантах со стремлением подчеркнуть предметность загадки: о безмене — *Сам худ, а голова с пуд*, в других вариантах — *Сухой оболмут весит пуд*. Такой же пример подчеркивания предметности через новое словообразование находим в загадке о подвесной лампе: *По середку дома висит дзвон, он не звонит, а светит*.

До сих пор речь шла только об однотипных загадках, многовариантно представленных в наших записях. Но в других случаях для многих тем в местной традиции характерны многотипные загадки, в которых богатство фантазии и широта поэтического диапазона в эстетизации крестьянского труда, природы и каждодневного быта позволяет выразить многоаспектный взгляд на загадываемый предмет. Помимо широко распространенной загадки о двери (записана в 22 вариантах), в основе которой — представление об одной особенности предмета, а именно способности открываться и закрываться: *Два стоят, два ле-*

³⁰ В сборнике Садовникова подобные же загадки № 777-а-т. В сводном сб. 2520.

³¹ У Садовникова подобные варианты без личных имен № 149, то же в сводном сб. 3335—6.

³² *Жора* — областное слово — *прожора, обжора*. В. И. Даль. Толковый словарь, т. I, стр. 546. Близкая загадка в сборнике Садовникова № 1147, в сводном сб. 2886.

жат, пятый ходит, шестой водит, седьмой песенки поет, — записаны отсутствующие у Садовникова и в сводном сборнике загадки других типов. Один из них отличается утилитарным подходом: *С одной стороны греются, с другой холодеют, снизу гниют, а сверху сохнут*. — *Дверь*. Столь же различны между собой типы загадок о заслонке: *Софья день и ночь сохла, утро настало и прочь отстала*, то есть смысловое ядро загадки в особенностях применения загадываемого предмета. Второй тип говорит о внешнем виде предмета с оттенком народной смешинки как одной из форм эстетизации бытового предмета: *Стоит волчок — черный бочок*. Загадки о печи с подтекстом, который может быть развернут в целую жанровую картину о значении русской печи в жизни крестьянина, а значение это было настолько велико, что родились пословицы: *Печь нам мать родная. Добрая-то речь, что в избе есть печь*. В загадке это же отношение выражено чрезвычайно наглядно и просто: *Зимой брат, а летом глина*.³³ — *Печь*.

С разных точек зрения представлена в наших записях соха. Первый тип этих загадок — распространенный и общеизвестный: *Волк ходит на гору в железном сапоге*. Или: *Стоит волк на горе в железном сапоге* (в одном варианте — *бес в железных сапогах*). Второй тип загадок смысловой центр переносит на результаты труда: *Баба-Яга, железная нога, весь мир кормит, а сама голодная*. В основе записанного третьего типа загадки о сохе — изображение самого орудия труда с выраженной подтекстом-мыслью о тяжести труда пахаря: *Лежит, лежит возле дроги, раскинуты руки-ноги*. Четвертый тип этих загадок, очень интересный и древний, не был известен ни Садовникову, ни В. Даля: *Семь берез, коню воз, а я взял и понес*. — *Соха*. В загадке точно подсчитано количество деталей, из которых состоит соха. В Толковом словаре В. Даля приводится следующее описание устройства сохи: «Соха, самое простое крестьянское орудие пашни: основа сохи колодка, поперечный барабан, в колодку вделяются наглухо спереди обжи (оглобли), сзади рукоятки, разного вида, рассохой (рогаль) или поперечным брусом, казачка; под колодкой полоз, подошва или рассоха, на развилке которой насаживаются сошники, лемехи; над ними полница, железная лопаточка, которой ручка закручена под (при) тужинами (веревкою накрест), перекаладывается по обе стороны и служит для отвалу земли»³⁴.

Древние, интересные загадки о бороне представлены в записях в трех различных типах. Наряду с общераспространенным, близким к сборнику Садовникова (№ 1203 — О ста ногах, о семи хребтах) ти-

³³ Садовников, № 125 — *Зимой нет теплей, Летом нет холодней*, т. е. безобразного представления. Сводный сб. 3318.

³⁴ В. И. Даль. Толковый словарь, т. 4, стр. 283—284. Подобной загадки нет и в сводном сборнике. Ср. загадку о бороне в «Белорусском сборнике»: *Сто берез, коню воз, человеку ношка*.

пом: *Ног много, а с поля на спине идет*, встречается тип загадок об устройстве бороны: *Пять пятаков, пятьдесят кружков и двадцать пять стрелок*³⁵. Сам исполнитель назвал отгадку — деревянная борона и дал следующее описание ее устройства: «Борона старых времен делалась в виде переплетений деревянных стержней (4×5), они стягивались пятьюдесятью железными кольцами. С нижней стороны были вставлены двадцать пять заостренных колышков». Третий тип загадок о бороны, видимо, связан с местным ландшафтом и не зафиксирован в сводном сборнике: *Визжит, верезжит, а в болото не лезет* (каменистая почва и болота).

Общеизвестная загадка о глазах задерживает народное внимание на одном: *Живут два братца через дорогу и друг друга не видят (Живут две сестры через межу, одна другую не видят)*. Второй тип представлен в местных записях и связан с эстетическим и психологическим осмыслением человеком самого себя: *Кругленький, маленький, около косматенький, придет беда, потечет вода*. И третий тип скорее характеризует глаз как орган зрения: *Маленький, кругленький, как кину, на небо закину*³⁶.

Характерно, что каждый тип загадок к тому же еще и многовариантен, а следовательно не представляет собой примера случайного книжного усвоения, напротив, свойствен местной традиции и составляет ее своеобразие. Проследим это еще на нескольких примерах. В наших записях многовариантно представлены загадки об огурце. Первый тип соответствует сборнику Садовникова № 1350 и лексически и ритмически разнообразен по вариантам: *Без окон, без дверей полна горница* (церква, хата) *людей*. Или: *Без окон, без дверей полон дом людей*. Второй тип близок к № 795 и 796: *Лежит Егор между гор, порчанкой* (пангошкой или понпошкой) *покрывшись* (накрывшись). Или своеобразный вариант: *Лежит князь, растенясь, платочком накрывшись*. Двухтипны загадки о лошади: *В поле работница и в доме пригодится; Двое бегут и их двое догоняют, двое смотрят, двое слушают, шестьсот свилят* или *Семьсот свищут, четыре тупас, два нюхай, два слухай*. Двухтипны и многовариантны загадки о ружье: *Сухой Мартын* (Аврам, Давид, Данила) *далеко плюет*. Или: *Тонка паненка, а далеко плюет*³⁷. И оригинальный, выразительный по точности действий второй тип загадки о ружье: *Дверью скрип, сковородой шмыг, полетела туда, неведомо куда*.

Среди записей загадок о косе много вариантов первого типа, который дает целую картину сенокоса: *Рыба-селява весь лес свиляла, лес свял — чистый город стал. Щука сунет, лес вянет, на том месте город*

³⁵ В сводном сб. 1996.

³⁶ В сводном сб. с отгадкой «взор» № 1445.

³⁷ В сводном сб. № 4557: *Цыганка тонка, шумит звонко*.

станет. *Щука-селява весь лес перевалила. Щука блеснула — весь лес пригнула, лес сваял и городом стал. Мигуха мигнула — весь лес перегнула. Щука сунет, лес вянет, на том месте избушка станет. Щука-понура хвостом вильнула, леса пали, а горы встали.* В близких вариантах этот тип загадки представлен в сборнике Садовникова. № 1257, 1259, в сводном сб. 2171—2191. Два других типа не столь выразительны, записаны в нескольких вариантах, в сборнике Садовникова и в сводном сб. отсутствуют: *Утром по лугам бежит, вечером в снях стоит и Блестит как змея, а ест как лошадь.* Единообразны и записаны лишь в нескольких вариантах загадки о петухе типа «*Два раза рожден, ни разу не крещен, а в Евангелии чтен*»³⁸, другой же тип, по сравнению с загадками сводного сборника, представлен яркими, оригинальными вариантами: *Стоит на заборе, в красном капоте и кричит: «Гей, гей, гей!» (Стоит на плоте, в красном колпаке. Кричит: «Гей, гей») или Ходит цыган по огороде, носит блина два на броне, или, хотя и менее слаженная, но подобного же типа загадка: Хвост с узорами, сапоги со шпорами, ночью распекает, время возвещает.*

Из приведенных многочисленных примеров видно, что характерный для жанра загадок принцип многотипности основывается на богатстве и разнообразии художественного видения и представления окружающей крестьянской жизни, а их многовариантность определяется богатством и многообразием средств устного народного поэтического языка. Но многовариантностью и многотипностью загадок, характерные для нашего собрания, являются общей особенностью жанра, хотя в наши дни нигде больше так богато не представлен, как в условиях местного островного бытования русского фольклора. Сопоставление с записями из других областей убеждает, что перед нами общерусские загадки с интересными творческими пополнениями и по типам загадок и по их вариантам. Выявление же специфических черт местного репертуара чрезвычайно сложно. С этой точки зрения можно отметить по популярности и творческой разработке свои любимые темы: многие из них поддерживаются местными природными условиями и сохранившимися бытовыми жизненными реалиями, такими, как ручная выработка самотканых шерстяных тканей, полотенец, ручная вязка шерстяных изделий. Загадки, связанные с домашними местными ремеслами, очень популярны: многовариантные загадки о кроснах или старом ткацком станке, о вязальных спицах, о клубке ниток и т. п. Видимо с местными условиями труда и с природой здешнего края связаны необычайная популярность загадок о ветряных мельницах и жерновах: *Идет медведь, мормочет, белые усы отбирает. Стоит мех на меху, и солдат наверху. Или: Стоит чан на чанах, на двенадцати ногах. Кричит сын, ставерин,*

³⁸ Близки к загадкам в сборнике Садовникова № 989; в сводном сб. 971.

с под белого города и др. Подобные загадки отсутствуют в сводном сборнике. В нем встречается образ «жернов-медведь» в ином варианте: *В темной избе медведь ревет* (Садовников № 1142) и *Затопали кони в кириловском поле, залаяла собачка наимуровском, заревел медведь (жернов) на романовском*³⁹. Записаны и близкие к вариантам Садовникова типы загадок о жерновом камне и мельнице: *Маленький мох на крутых горах. Выйдет наружу — накормит верных и неверных*⁴⁰. Или: *Под полом, под полом ходит барыня с попом*⁴¹.

Наиболее разнообразна по типам и многочисленна по вариантам (26 записей) загадка о пчелах. Подход к отгадке здесь разнообразен. Через соты: *Сидит дева в темнице, шьет цветочек без иголки и без нити, ушла цвет на целый свет*. При этом наш вариант отличается большей эстетизацией момента по сравнению с загадками Садовникова (№ 1489 *Сидят в темнице две девицы. Вяжут вязеницы без иголки, без ниточки*. Или №1492 — *Ткань созидает, узор вышивает* и т. д.). Через воск и горящую восковую свечу: *Летит зверек через божий домик, летит и говорит: «Моя силка горит»*. И в оригинальных загадках, отсутствующих в сводном сборнике, отгадка подсказывается образом медосбора: *Сам с ноготь, борода с локоть, несет цеберь*⁴² *воды и стог сена* и образным представлением о пчеле в улье: *По пузу, по пузу и в дырочку*. Так же как распространенность пасек и пчеловодства, так и лесные заросли орешника и промысловый сбор орехов, по-видимому, содействовали тому, что любимыми местными загадками стали также загадки о лесном орехе. Записанные 56 вариантов распределяются на несколько типов. Одни загадки стремятся завуалировать смысл, имея в виду внешний вид созревшего ореха, другие больше обращают внимание на вкусовые качества ореха как продукта питания, третьи рисуют целую сценку сбора орехов, а четвертые видят перед собой весь орешник и передают чуть ли не пейзажную зарисовку, и тогда здесь упоминается «тын густой», кусты, кусточки, прутьи.... Не останавливаясь на различиях по вариантам, приведем примеры для всех зафиксированных шести типов⁴³: *Туго стоит, слабо висит, сам косматый, нос плешивый. Зеленые штаны, желтая подкладка, а что в штанах то и сладко. Не гни меня, не ломай меня, у меня есть лохматка, в лохматке*

³⁹ В. И. Даль. Толковый словарь русского языка, т. 2, стр. 317. Сводн. сб. 2896.

⁴⁰ Садовников, № 1152, сводный сб. 2882.

⁴¹ Садовников, № 1146: *Под полом, полом стоит барыня с колом*, Сводн. сб. 2888.

⁴² Цеберь — ведро. В словаре В. Даля цебарь, цебер-бадьа, которой достают из колодца воду. В. И. Даль. Словарь русского языка, т. 4, стр. 572.

⁴³ Лишь к двум типам есть параллельные варианты в сборнике Садовникова: № 1424 — *Стоит дерево мохнато, в мохнато-то гладко; а в гладко-то сладко*. № 1430—6 — *Маленький горшочек, а каша вкусна*.

гладко, а в гладке — сладко. В маленьком горшочке сладенькая каша; Тын густой, сам висит. Сам косматый, конец лысый. На пруточку, на кусточку киндер яйца пекет и др. Характерно, что параллельно необыкновенной популярности загадок об орехе происходит проникновение этой темы в содержание сказки в качестве бытовой детали: В сказке «Нужда», записанной в 1961 году в д. Лукашевка Игналинского района от Гуринова И. И., 1896 г. рождения, включен следующий эпизод: «И захотелось ему увидеть свою нужду. Вот протянул он руку и скокнула нужда к нему на ладонь. Мужик диву дивился, что нужда его величиной с блоху. — Эка чертяка! Поймаю я тебя. Взял мужик пустой орех с дырочкой и стал потихоньку загонять блоху в скорлупку палкой. Да и загнал, и защепнул ее там»⁴⁴.

В такой же степени как многовариантность и многотипность, как характерность любимых тем, местному репертуару присуща еще одна особенность, а именно — сатирическое антипоповское заострение загадки и усиление других социальных уточнений. С образом попа прежде всего связываются насмешки и непристойности. Поп — главный объект для эротического острословия загадки. Фабульность, сценический, зрительный эффект, заложенный в загадке, усиливают сатирическое осмеяние попа, что вообще характерно для фольклорной традиции, связанной со старообрядческой средой. Правда, потешность загадки, непристойные намеки всегда умеют задержаться где-то на едва уловимой грани только бытовой параллели и не содержат непристойность как самоцель. Эффект комического усиливается неожиданным соотношением простейших, обыденных, бытовых предметов и социальных типов. Подсказка заложена в общефольклорном отношении к образу, ярко сформулированному в известных словах В. Г. Белинского: «... наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и у русского народа... Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет дурья порода, колуханы⁴⁵, жеребцы? — Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?»⁴⁶

Во всех местных вариантах загадок о самоваре (49 вариантов) прямо назван поп. В сборнике же Садовникова под № 470 находим невин-

⁴⁴ Фольклорный Архив кафедры русской литературы ВГУ 1961
Игн.—сб.—1; Указатель сюжетов: *735 I Горе. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. Подготовка текста и примеч. В. Я. Проппа. ГИХЛ, М., 1957, т. 3, стр. 480.

⁴⁵ Колухан, «калыган» — конский барышник, плут, мошенник. В. И. Даль. Толковый словарь, т. 2, М., 1935, стр. 79.

⁴⁶ В. Г. Белинский. (Письмо к Н. В. Гоголю). Полн. собр. соч., т. X, изд. АН СССР, М., 1956, стр. 215.

ный образ: *Стоит ферт, подбоченившись*⁴⁷. Фигуральное сопоставление попа с самоваром вызывает в памяти популярные в устном творчестве сатирические эпитеты «кособрюхий», «толстобрюхий». Загадка о попе с отгадкой — самовар вытеснила собой распространение других типов, лишь по 2—3 варианта записаны такие типы загадок: *Стоит баба на мосту, кричит всех оболую. У нашей тетки-лебедки загорелосе в середине. Сверху — дыра, снизу — дыра, посредине — огонь и вода*. В загадке с попом подтекстом проступает желание перенести центр тяжести с внешнего подобия на само осмеяние. Художественная цель подобных загадок в социальном акценте гротескной насмешки, сатиры. В такой же роли выступает наряду с образом попа хотя и не столь колоритные барыня, пан, паненка: *Капуста — Поп низок на нем семь ризок*⁴⁸. *Лук — Привезли попа* (в других вариантах — немца) *в красном платье, его разбирали, все плакали*. *Мак — Под одним колпаком осемьсот казаков*. В трех вариантах эта же загадка записана с оригинальным развитием темы: *Семьсот воевод, на чатырке городок, паньское кушанье, боярская (барская) потравка*. В сборнике Садовникова под № 865 приводится эта загадка в краткой форме: *На тыщинке городок, в нем семьсот воевод*. Оригинально и ярко выражена народная мысль о непримиримости жизненных интересов бедного и богатого в загадке о замке: *Нищий ходит, щелгуны на дворе ночуют, а сам у хаты*.

В неприличных загадках о самоваре комизм соотносится с задачей посрамления именно попа. В загадках, не имеющих сатирической установки, комический эффект связан с неожиданными ассоциациями, со взрывом несовместимости сопоставляемых картин. В особенности часто это наблюдается в загадках с эротическими элементами при безобидных отгадках таких, как «ключ и замок», «чистить дымоход», «вино бродит в бочке» и др.

При выяснении особенностей местного репертуара обращает на себя внимание знание именно старинных загадок. В тех случаях, когда в них говорится о предметах, уже исчезнувших из крестьянского быта, исполнители давали свои пояснения. Например, загадка о ребенке в люльке: *Четыре чetyрянки, пятая лубянка, шестой простой, седьмой живой*. Приведем полностью пояснения исполнителя: «Теперь их мало есть где. Это зыбка, (где ребенка качают). На веревках она повешена; пятая — лубянка, это — зыбка, а шестой простой — это освер⁴⁹, на

⁴⁷ Ср. параллельный пример с загадкой о жерновах на стр. 27 с заменой: *...Ходит барыня с колом — ...ходит барыня с попом*. В сводном сборнике — упоминание попа имеется в загадке о самоваре под № 3895 (варианты на стр. 214).

⁴⁸ Близка к № 785 в сборнике Садовникова. В сводном сб. 2476—2479.

⁴⁹ Освер — рычаг, подъем. В. И. Даль. Толковый словарь, т. 2, стр. 694.

чем повешена под потолком, а седьмой — живой — это ребенок». Ср. приведенные выше объяснения к устройству деревянной бороны.

Сохранность и разнообразие местных загадок поддерживаются творческими возможностями их поэтики. Жанровые поэтические черты загадок ярко выступают в местных записях.

Устная форма бытования загадок выработала устойчивые общезагадки. Они легко присоединяют к себе образно-смысловое ядро загадок, в которых загадываются совершенно разные предметы. В наших записях повторяющиеся излюбленные «зачины» открывают многие загадки. Популярна формула «зачин», устанавливающая контакт по крайней мере между двумя лицами — загадывающим и отгадчиком:

Загадаю загадку,
Переброшу через грядку,
На один год спущу
На другой сыщу. — Озимая рожь.

Загадаю загадку,
И найду я ягоду,
Оближу и обратно положу. — Яйцо.

Загадаю загадку
— не перекинуть через грядку. — Перо.

Загоною загадку,
Брошу через грядку.
Год пройдет,
Годовик найдет. — Мотовило для ниток.

В сборнике Садовникова имеются примеры на этот же принцип построения загадок:

Загану ли те загадку,
Перекинуть через грядку,
Через тын, через плетень,
Через барский двор. — Гребень и мочка.⁵⁰

Чаще формула «зачин» служит началом тех загадок, с которыми имеет общие смысловые элементы:

Маленький, горбатенький
Все поле обежал,
Под межей лежал. — Серп.

Маленький, горбатенький
Не лает, не кусает,
А в дом не пускает. — Замок.

Маленький, горбатенький
Под горою шмыг да шмыг. — Челнок.

Маленький, кругленький
— около косматенький. — Глаз.

⁵⁰ Садовников № 599.

По сборнику Садовникова этот перечень можно было бы увеличить загадками о пуговице № 664-а, о кочедыке⁵¹ — № 690, о маковом цветке — №859 и др. Распространенная начальная формула «без рук, без ног» присоединяет к себе описания загадываемых предметов весьма отдаленных по значению, но близких только по одному смысловому элементу, выраженному в зачине: *Без рук, без ног, а рисовать умеет. — Мороз. Без рук, без ног, а рубашку просит. — Подушка. Без рук, без ног, на бабу скок. — Женская рубашка.* В сборнике Садовникова приведены другие загадки с этой же начальной формулой: *Без рук, без ног, не мал клочок кверху ползет.* (Пары) — № 2011, *Без рук, без ног, под окном стучит, в избу просится.* (Ветер) — № 1983, *Без рук, без ног, — лапшу крошит.* (Нож) — № 460. *Без рук, без ног всем голова.* (Опара) — № 480. *Без рук, без ног во все стороны клонится.* (Зыбка) — № 249. *Без рук, без ног сам сел в уголок.* (Голик) — № 310. *Без рук, без ног подпоясанный.* (Сноп) — № 1281. *Без рук, без ног под лавку скок.* (Клубок) — № 653. Встречаются в наших записях повторяющиеся начальные формулы: «Без окон, без дверей», «На яру, на бору», «Движу, подвигу», «круть-верть» и др., с помощью которых реализуется один и тот же структурный принцип загадывания с найденным общим элементом смысловых связей. Так, в последней формуле «круть-верть» выражение быстроты и вращательного характера движения применено в наших записях к отгадке — «выметать мусор» — *Круть-верть помелом — смерть* и в загадке. *Круть — верть в черепочке смерть. — Жареная рыба.* В сборнике Садовникова другие примеры загадок, построенных однотипно: *Верть-верть — в черепочке смерть — Ружье*⁵²; *Верть-верть черепочку смерть. — Замок и ключ*⁵³.

В местном репертуаре распространены загадки различной художественной формы. Как и во всем общерусском репертуаре наиболее многочисленны загадки-метафоры. Распространены загадки-сравнения и загадки-противопоставления: *Жидко, а не вода, бело, а не снег. — Молоко. Хоть плоска, а не доска. — Бумага. Не рубашка, а сшита, не дерево, а с листочками, не человек, а рассказывает. — Книга. Курица стареет, когти востреют. — Помело* и др. Приведенные здесь загадки о помеле, о гусе не имеют близких вариантов в сборнике Садовникова и оригинальны по своей выразительности. Встречаются осложненные виды, когда и сравнение, и метафора, и противопоставление слиты в краткой выразительной загадке: *Белый, как снег, пузатый, как мех, на лопатах ходит, рогом ест. — Гусь. Ночью — уж, днем — обруч. — Ремень.* Сравнительно часто встречаются в местном репертуаре загадки,

⁵¹ Кочедык — лапотное шило. Примечание В. П. Анякина к сборнику Садовникова стр. 286.

⁵² Садовников, № 547.

⁵³ Садовников, № 1469. Сводный сборник, 3166. Распространены в белорусском фольклоре. См. сноску 29.

построенные на иносказательной и зашифрованной речи: *Идет Чура с Запечуры, спрашивает у князя Бондадуры: «Князь Бондадур, где Марья Хохловна?» — Сквородник и сквородка. Дваста бодаста, четыреста ходаста, один полахтур, и два ухточка. Или: Четыре беги, две бодеги, а седьмой замотовило.* И так до двадцати вариантов загадок о корове. Характерно, что в загадках с зашифрованной речью наблюдается стремление переосмыслить ее выражения, превратить их в наименование конкретных предметов. Загадка о сквороде: *Денделичка — невеличка, а Дындыч с сажей.* Загадки с зашифрованной речью часто строятся на диалоге и представляют собой небольшую сценку. В большом количестве тождественных вариантов записана популярная загадка о коршуне, петухе и курах: *Прилетел лютер, сел на колютер, пытается у будителя: — «Будитель, будитель, где ваши кухари-пахари?» — «Мои кухари-пахари пошли в Стрекиян-город гулять».*

Загадки-описания встречаются реже, но они тоже изобретательны в передаче своих наблюдений: *На Егорий день уродился зверь, нос — гвоздь, под брюхом — белина, хвост вилочкой. — Ласточка.*

Загадки-вопросы и загадки-задачи не несут в себе живого художественного образа и не отличаются разнообразием в новых записях: *Что внизу вершиной растет? — Сосулька. (У Садовникова: Что вверх корнем растет?) Что не охватишь руками? — Воздух.* Однако и в этой группе среди новых записей есть несколько интересных, необычных загадок. *Кто с ладони за все? — Сон. На что меня повалил, коли не пошевелил? — Луга покошенные, но не перевернутые.* Или арифметическая загадка с рифмовкой и звуковой аллитерацией: *Семь семерей, семь старых свиней. Матка, батька, сын, дочушка и еще одна осмеренка. Сколько всего?*

Новые записи сохранили свойственную жанру загадок экономную выразительность языковых стилиевых средств. Для них характерен строгий отбор небольшого числа слов, обозначающих цвет, материал, размер, форму, вкус, принадлежность, которые, слившись с названием предмета, образуют необыкновенный и одновременно точный образ: *белые овцы* — о зубах, *белая кровь* — о муке, *беленький березнячок* — о зубах, *белый кот* — о куске сала, которым смазывают сквороду, *белое поле, белые нивы* — о бумаге для письма, *золотой хозяин* — о солнце, *серебряный пастух* — о месяце, *ясный горох* — о звездах, *железный сапог* — о сохе, *красный коток* — об огне, *красные ячки, красные овечки* — об углях, *ноги каменные и глаза стеклянные* — о фундаменте и окнах дома, *вороной или стальной конь* — об иглке и т. п. Встречаются и необычные с точки зрения словаря эпитеты определения: *бегущая овечка, бешеный котел, сын-перебор* (о дыме), *мясная гора*⁵⁴ (о лошади), *синяя прорубь* (о чернилах).

⁵⁴ Сводный сборник 4378

Момент эстетизации при описании загадываемого предмета достигается употреблением уменьшительно-ласкательных форм в обозначении предметов и их качеств. Уменьшительно-ласкательные формы постоянно встречаются в языке местных записей в удивительно смелом и художественно емком значении: *...есть у меня шершенькая, гладенькая, а откроешь — сладенькая*. Или в другом варианте — *холодненькая (об орехе); Маленький мальчик — согнутый пальчик (о крючке)*. *Под гору коняшка, а в гору — деревяшка (о санях)*. Или с той же отгадкой: *Под гору ножки, а в гору досочки. Пять чуланчиков, пять брайчиков и все врозь живут (о пальцах в перчатке)*. *Двое лисяток всегда вместе бегают (полозья саней)*. *...сел на конек и поехал в огонек (о чугуне)*. *Висит веселок, глядит на него козелок, веселок спал (т. е. упал), козелок поднял (яблоко и человек)*. В приведенных примерах ярко выступает творческая жизнь загадки в условиях современного бытования: в вариантах, не зафиксированных в сводном сборнике, языковыми средствами усиливается эстетизация загадываемого предмета. Варьирование уменьшительно-ласкательных форм вызывает многовариантность загадок. (Ср. два записанных варианта: *Красный коток бегаёт по жердочке и Красненький котеночек по жердочкам бежит*.) Уменьшительно-ласкательные формы вместе с выразительной интонацией помогают передать суть загадки, построенной как диалог: —

— Кривая кривулька, ступай в болотинку, достань животинку.

— Ну, погоди ж, черт косматый, достанется и тебе.

Кочерга и помело. Выгребать жар и
выпахивать печку.

Образным центром загадок часто являются слова, обозначающие действия во всем разнообразии оттенков и особенностей. В умелом подборе разнообразных обозначений действия, движения — секрет яркости языка загадки, ее выразительности, складности и слаженности. В местных записях мы находим чрезвычайно динамичные загадки с четким ритмическим рисунком, который сам по себе уже несет большую смысловую и поэтическую нагрузку: *В лесу срезано, в доме выгнуто, на стене висело, а в руке ревело*. — *Скрипка*. Интересные загадки о сапоге, о венке не имеют близких вариантов в сборнике Садовникова и состоят только из одних обозначений действий. Например: *Шаталось, моталось и в куток спряталось. Скручен, сверчен, по избе скачет*. Мастерство загадки проявляется и в том, что она фиксирует внимание на различиях в темпе действия через соответствующий подбор глаголов и общую ритмичность: *Черный конь скачет в огонь*. — *Кочерга* (быстрота, энергичность соответствует загадываемой жизненной картине). *Полижу, полижу, да назад положу*. — *Ложка* (действие многократное и протяженное в продолжительном времени, оно связано со смыслом загадки).

Новые записи обнаруживают прекрасное мастерство устного творчества в пользовании звукоподражаниями, слуховыми образами, аллитерацией. Многократно записана общеизвестная загадка о молотье цепами (Садовников № 1292) со звукоподражательными словами «То-то-мы», «То-то-мы», другие звукоподражания загадка находит, чтобы передать брожение вина, а картину созревания и лущения орехов передает начальная строка загадки — «Шуришит-парчит...». Записанные нами загадки, построенные на аллитерации, обнаруживают, большей частью, подчиненность «игры звуков» важной смысловой задаче — создать дополнительные детали для представления загадываемого, но умалчиваемого предмета, а именно звуками воссоздать самое действие или особенности предмета: *Сурукалку сочу и сурукаться хочу. — Молчалка. Плотка плывет, хвостом вильнет, весь лес пригнет. — Коса. Или своеобразный пример загадки о буровце, построенной на чередовании звуков бр-пр-рат, пр-тр-тат, имитирующих бурение: Мой брат-прокурат про стену гроши считает — буровец или сверло. Записаны также яркие примеры аллитераций, на которых держится вся конструкция загадки: Лата на лате без иголки латано. — Капуста. Лезу, лезу по железу на мясную гору. — Конь.*

Художественное многообразие, богатство устного поэтического языка и ритмических средств характерно для старинных загадок на традиционные темы; многие из них представлены в новых записях чрезвычайно самобытно и оригинально. Но при этом следует отметить, что в местном репертуаре записаны в нескольких вариантах и новые загадки на современные темы. Их многовариантность и параллельное бытование в других районах свидетельствует об их фольклорном происхождении и вовлечении в современное устное бытование. Это загадки об электролампочке, о тракторе, о почтовом ящике, авторучке и некоторые другие.

Новые загадки, посвященные сельскохозяйственной технике, отличаются подлинной народностью и фольклорностью. Они вошли в местную устную традицию благодаря яркости поэтизации загадываемого предмета, четкости ритмического и звукового содержания. Удивительно красочна и динамична загадка, записанная от 85-летней крестьянки А. Родионовой из д. Римкай Игналинского района, о молотилке: *Летит кырло, без головы, без крыльев. Рот большой, красный и обращит бородой.* Чередование звуко сочетаний кыр-кры-кра и бо-бро-боро, динамичность в обозначении действий (летит), этимологическая многогранность эпитета «красный»⁵⁵ все вместе создает картину спорой, жар-

⁵⁵ Среди значений слова «красный» В. И. Даль называет важные для нашего примера: огневой; червлёный. Употребляются выражения: «красный хлеб» — пшеница; «красная пшеница» — озимая. В. И. Даль. Толковый словарь русского языка, т. 2, стр. 187.

кой работы молотилки. Наиболее популярна загадка о тракторе, она разработана многотипно и представлена в двенадцати вариантах: *Не овсом кормят, не кнутом гонят, а как пишет, то семь плугов тащит*. Или: *Едет конь стальной — рычит, сзади плуги волочит*. Полюбившиеся загадки-стихи литературного происхождения представлены в записях единичными примерами (загадки о мяче).

Для современного состояния местной фольклорной традиции характерно продолжение длительного процесса, зафиксированного еще в записях 19 века в сборнике Садовникова, расширения смысла одной и той же загадки на различные загадываемые предметы. Иными словами одна и та же загадка завоевывает себе более широкий плацдарм для применения из-за вновь открытых общих ассоциативных связей как в явлениях старого, так и современного нового быта. Так, в сборнике Садовникова однотипная загадка: *Барыня на дворе, рукава — в избе или — Барыня — в избе, рукава — на дворе* имеет отгадки *солнечный луч и дыня* (№№ 1894-а и 833). В наших записях это явление еще более распространено. Загадка о лесном орехе с естественными изменениями загадывается и о яблоне, сохраняя те же интонации прямой речи: *Не бей меня, не ломай меня, а взлесь на меня да натепкайся*⁵⁶. Перенос загадки может быть и дословным: *Щука в море, а хвост на заборе* — и о половнике и о мостике. *Рыбина мигнула, весь лес пригнула* — о косе (косить сено) и о молнии; или почти схожим: *Легкая, круглая, а за хвост не поймашь. — Воздух. Кругленький, маленький, за хвост не поднимаешь. — Клубок*. Перенос загадок связан и с новыми явлениями быта, то есть помогает загадыванию современных предметов и явлений жизни. Так, загадка о буровце получила еще отгадку — *сверло*. Интересна запись двух загадок от разных лиц из разных районов на темы, не представленные в сборнике Садовникова: — *Крякнула утка за морем чутко. Собрались детки: нет ни одной матки. — Колокол. И крякнула утка за морем чутко: «Собирайтесь, детки, к одной матери».* — *Гудок*. Поразительно тонко осмыслено не только общее, но и различие между колоколом и гудком; о последнем говорится с прямой речью, с обращением во множественном лице, введен мотив кровной связи, единения всех собравшихся по гудку.

Можно признать доказанным на основе рассмотренных примеров, что для современного состояния жанра загадок характерно наряду с явлением многовариантности одной и той же загадки, что создается ее творческой жизнью, разработкой давно заложенных в нее образов и непроходящим народным чутьем к слову, созвучию, ритму, и процесс

⁵⁶ Натепкайся — от слова тяпать — есть; в Толковом словаре В. Даля тяпать — хватать, стащить, украсть, т. IV, стр. 456.

⁵⁷ В сводном сб. близкие варианты на тему «колокол и звон» № 5068, 5069.

ее переосмысления, расширения ее смыслового идейно-художественного «силового» поля. Изучение экспедиционных материалов обнаружило хорошую сохранность и живую творческую жизнь загадки в наши дни. Прекрасные образцы загадок берегут и сохраняют для людей поэтическую красоту мира, каждодневной обыденной жизни и величайшие возможности народного слова. Они могут занять достойное место в общерусском собрании загадок, представляя собой тексты, записанные впервые в данной местности.

*Вильнюсский гос. университет
им. В. Касюкаса*

Декабрь, 1971 г.

NAUJI MĪSLIŲ UŽRAŠYMAI IR FOLKLORINĖS RUSŲ GYVEN- VIEČIŲ LTSR TERITORIJOJE TRADICIJOS

N. MITROPOLSKAJA

Reziumė

Rusų senbuviai, dėl visokių priežasčių, apsigyvenę įvairiuose Lietuvos TSR rajonuose, turi trijų šimtmečių senumo istoriją. Gyvendami salelėmis tarp vietinių, jie tęsia rusų folkloro tradicijas nacionaline žodine poezija. 1960—1971 m. folklorinių ekspedicijų medžiagos, esančios Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko universiteto Rusų literatūros katedros archyve, tyrinėjimas leidžia išaiškinti vietinio daugiažanrio repertuaro charakterį ir paplitimo ypatumus.

Specialiai tyrinėjant 820 čia užrašytų žodinių mįslių, buvo nustatytas jų daugiavariantiškumas ir daugiatiipiškumas, atrasti saviti ir originalūs tekstai su begaliniais subtilumu žodžiui, sąskambiumi, ritmui. Nuostabių mįslių pavyzdžiai, pirmą kartą užrašyti toje vietovėje išsaugo ir išlaiko žmonėms poetišką gamtos ir kasdieninio gyvenimo grožį ir didžiules liaudies žodžio galimybes. Jos privalo užimti prideramą vietą bendrarusiškų mįslių rinkinyje.

NEW RECORDS OF RIDDLES AND FOLK-LORE TRADITIONS OF RUSSIAN SETTLEMENTS ON THE TERRITORY OF THE LITHUANIAN SSR

N. MITROPOLSKAYA

Summary

The settlements of Russian natives who owing to the force of different circumstances made their home various parts of the Lithuanian SSR are three hundred years old. Living in islands among the natives who speak another language they maintain the Russian folk-lore tradition by national oral poetry. The study of the materials of the folk-lore expeditions which took place in 1960—1971 and which are kept in the archives of the Chair of the Russian literature of the Vilnius State University enables us to find out the peculiarities of occurrences and the character of the native multi-genre repertoire.

A special study of the records of 820 riddles which exist in oral form enabled us to establish their numerous variants and types, to discover unique and original texts with subtle feeling for words, consonance and rhythm. The beautiful specimens of the riddles recorded for the first time in this locality keep and cherish for people the poetical beauty of nature and everyday life and the greatest resources of the folk word. They deserve a worthy place in the all-Russian collection of riddles.